

ИВАН АКСАКОВ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ
СЛОВО «РУССКОЙ
БЕСЕДЫ»

Иван Сергеевич Аксаков
Заключительное слово
«Русской Беседы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2624905

Аннотация

«Мы приостанавливаем издание „Русской Беседы“. Несомненно убежденные в жизненности тех начал и воззрений, которых посильным выражением была „Русская Беседа“, – мы знаем, что ничто, конечно, не удержит их хода; но тем не менее, с тяжелым чувством расстаемся, хотя и на время, с нашей журнальной деятельностью. Нам дорого было это периодически издававшееся печатное слово, это дружное и гласное служение нашей народности; мы свято чтим наше литературное знамя, знамя народного самосознания во всех областях жизни и духа; нам жаль нашего прерванного труда...»

Содержание

Иван Сергеевич Аксаков

Заключительное слово

«Русской Беседы»

Мы приостанавливаем издание «Русской Беседы». Несомненно убежденные в жизненности тех начал и воззрений, которых посильным выражением была «Русская Беседа», — мы знаем, что ничто, конечно, не удержит их хода; но тем не менее, с тяжелым чувством расстаемся, хотя и на время, с нашею журнального деятельностью. Нам дорого было это периодически раздававшееся печатное слово, это дружное и гласное служение нашей народности; мы свято чтим наше литературное знамя, знамя народного самосознания во всех областях жизни и духа; нам жаль нашего прерванного труда.

Многие из наших главных сотрудников должны были оставить свою литературную деятельность для деятельности иной, неотложной, животрепещущей. Сам издатель в течение всего истекающего года не имел никакой возможности заняться своим журналом. Только благодаря заботам и трудам одного из сотрудников, принявшего на себя не официальную, а нравственную ответственность издания, могла «Русская Беседа» появиться во все положенные шесть сроков, и появилась книгами богатыми, как нам кажется, не по одному числу листов, но и по внутреннему содержанию. Бу-

дучи лишен возможности и в наступающем 1860 г. посвятить себя делу редакции, издатель ходатайствовал о передаче «Русской Беседы» упомянутому сотруднику; по причинам, совершенно не зависящим от них обоих, такая передача не могла состояться: продолжать же издание журнала одному под именем другого – неудобно, не столько в официальном, сколько в литературном и нравственном отношении.

Сходя с журнального поприща, мы невольно окидываем взглядом пройденное нами пространство и невольно требуем от себя отчета – полезно ли, плодотворно ли было наше литературное дело. Пусть решит это окончательно сам беспристрастный читатель, но кажется нам, что труды наши были не напрасны, что журнал наш был и полезен и нужен.

Не так сходим мы теперь с журнального поля, как вступили на него в первый раз, в 1856 году. Оставляя в стороне вопрос о личном успехе нашего издания, мы с истинною радостью видим, что многие мысли, за которые так горяч ратовала «Русская Беседа», сделались ныне уже общим достоянием. В этом свидетельстве едва ли могут отказать нам не только добросовестные, но и недобросовестные из наших противников. Но если бы и не захотели некоторые из них, ради мелочного самолюбия, отдать справедливость убеждениям, неизменно твердым, с которыми «Беседа» начала и окончила свое поприще, – для нас во всяком случае важно не столько признание личных заслуг «Беседы», сколько прочный успех и всеобщее водворение ее заветных убеждений.

Встреченные насмешками, колкостями и бранью, мы не сделали никаких уступок, – и постепенно умолкли насмешки и улеглись нападения. Кажется, мы не ошибемся, если скажем, что ныне оставляем за собою след уважения и даже сочувствия, если не лично к нашему журналу, то к нашему литературному знамени.

Что же именно сделали мы в эти четыре года? Где же доказательство успеха самой идеи? Мы, конечно, не станем рассказывать здесь содержание всех толстых 18 томов «Русской Беседы» и с лишком 4 томов «Сельского Благоустройства», но да позволено будет нам указать в немногих словах на те собственно вопросы, решение по которым, кажется нам, уже перешло в общественное сознание.

Читатель помнит, какую бурю против нас возбудило в 1856 г. мнение «Русской Беседы» о народности в науке. Этот вопрос является теперь совершенно решенным, и решенным положительно. Мы даже недавно прочли статью одного нашего почтенного ученого, всегда принадлежавшего к числу наших оппонентов, статью, в которой требование народности доведено до крайних ее пределов¹. Тем более чести тем, которые умеют открыто отказаться от своих прежних, так долго отстаиваемых, воззрений, как скоро сознали их ошибочность. Вопрос о народности в науке вовсе не так малова-

---

¹ Юридические Записки, т. III, статья г. Редкина «Обозрение юридической литературы». Г. Редкий доказывает необходимость разработки истории римского права с самостоятельно русской точки зрения, русской науки римского права.

жен, как хотят думать некоторые: он возвращает нас из духовного плена к независимости мысли, он избавляет нас от подобострастного поклонения авторитетам науки западной, дает нам право оценить их высокие заслуги в качестве самостоятельных и свободных ценителей, делает из нас не подражателей, но народно-самостоятельных деятелей общечеловеческой науки, делает из нас – иногда противников, иногда друзей Запада, но уже никогда – рабов.

Вопрос об общинном устройстве, основанном на общинном землевладении и охраняемом извне круговым ручательством, вызвал против нас грозные выходки со стороны безусловных поклонников западной экономической науки, долго отрицавших самый исторический факт существования в народе этого коренного начала его жизни. Но и признавши историческое существование, в чем не винили провозглашенное нами «варварское начало народного быта»! – «Беседа» и «Сельское Благоустройство» неутомимо трудились над разъяснением сущности этого явления из русской и всеславянской истории и жизни; явления, – имеющего громадную будущность; не только не противоречащего требованиям здраво понятой науки, но предназначенного внести новое воззрение и произвести совершенный переворот в политической экономии, как она сложилась доселе на Западе. Положение это теперь, более или менее, уже принято некоторыми из главных наших периодических изданий. По крайней мере недавно одно из них, наиболее распространенное в России,

свидетельствовало гласно, что вопрос об общинном землевладении уже положительно разрешен в литературе². Конечно, еще есть много разногласий в частностях, но подождем терпеливо, и заявленное «Беседою», но принадлежащее народу начало возрастет, окрепнет и осенит собою всю русскую землю. Уже и теперь многие, а со временем и все сознают, что только общинное устройство может дать народу самостоятельность жизни, что только оно одно в состоянии доставить всему крестьянству благо землевладения и наибольшее, по возможности, общее благосостояние, и что, кроме круговой поруки, ничто не в силах оградить общественный быт крестьянства от вмешательства в него власти внешней.

Мысль об освобождении крестьян с землею, необходимо истекающая из изучения народного русского быта, печатно впервые была заявлена в «Беседе» (№ IV, 1857). Разработке и распространению этой великой истины был посвящен особый отдел «Беседы»: «Сельское Благоустройство». Глубоко сожалеем, что обстоятельства, от Редакции не зависящие, заставили прекратить издание в то самое время, когда вопрос вступал в период самого полного своего развития, — но утешаемся мыслью, что деятельность наша имела исторически-практическую важность и была оценена всеми, кому дорог успех крестьянского дела.

Давно ли славянский вопрос считался вопросом мертвым и теоретической бредней? Давно ли один из журналов на-

---

² Русский Вестник. № 20. Современная летопись. С. 418.

смешливо уступал г. Гильфердингу сочувствие всех славян, от Балтики до Адриатического моря? Но обстоятельства изменились, и, к счастью наших угнетенных братии, – они могут встретить теперь выражение сочувствия и не в одном только нашем журнале. Конечно, не «Русской Беседе» первой принадлежит честь установления умственного и литературного общения с славянскими племенами, честь эта, бесспорно, принадлежит М. П. Погодину, – но думаем, никто не станет отрицать то важное общественное значение, которое имело для славян существование собственно «Русской Беседы» и о котором громко свидетельствуют и Белград, и Загреб, и Тернов, и Прага? Нам удалось возвести славянский вопрос из области археологического интереса в область живого, деятельного сочувствия и оживить умственное движение в кругу наших литературных славянских собратий. Обстоятельства, от нас не зависящие, помешали нам расширить круг наших сношений и устроить при «Русской Беседе» столь нужную для русских и для славян, Славянскую контору; но и за то малое, что сделано нами, заплатили нам горячим сочувствием наши страждущие единоплеменники. Мы знаем, что прекращение «Беседы» отзовется особенно прискорбно во всех славянских землях Австрии и Турции, – но мы просим наших братьев-славян не смущаться, во-первых, потому, что теперь многие, даже из наших петербургских газет и журналов, допускают на своих страницах статьи по славянскому вопросу и выражают сочувствие к славянской на-

родности (дай Бог, чтобы это сочувствие привело их наконец и к полному сочувствию народности русской); а, во-вторых, потому, что мы только на время приостанавливаем нашу деятельность и надеемся, в этот промежуток, запастись большими средствами для нового деятельного служения славянскому интересу.

Мы рады, что успели, кажется, рассеять ложные понятия, какие существовали у нас и у славян о русском панславизме, и убедили наших братьев, что сочувствие наше чуждо посягательства на их самостоятельное развитие; признание прав на самобытность каждой славянской народности было всегда девизом русского славянофильства.

Смеем думать, что и в области философии, истории и филологии – «Русская Беседа» представила немаловажные образцы самостоятельной, независимой, своеобразной русской мысли.

Считаем обязанностью изъяснить нашу глубокую признательность как подписчикам, большею частью не изменявшимся из года в год и поддерживавшим нас своим сочувствием во все время четырехлетней нашей деятельности, так и сотрудникам, мужественно разделявшим с нами все наши невзгоды и смело подставлявшим свои труды под удары – большею частью неблагоприятной и предубежденной критики.

Мы, во всяком случае, надеемся, что в наступающем же 1860 году от имени ли издателя «Русской Беседы», или

кого-либо из наших сотрудников, будут изданы отдельные сборники.

Да, наша деятельность, кажется нам, была не совсем бесполезна. Мы уверены, что остающиеся на журнальной арене деятели будут продолжать разработку тех мыслей и положений, которые внесены «Беседою» в умственную жизнь русского общества, и что возвратившись в журнальное поприще, мы найдем уже не столько как прежде противников – в общем деле нашего народного самосознания.